

Яо Саньсю исходил желчью. В кухне стоял неистовый перестук — юноша с остервенением рубил овощи, точно вымещая на них в чём не повинной разделочной доске всю накопившуюся обиду. Каждое движение сопровождалось язвительным шёпотом:

— Ишь, выискались! Подумаешь, из самого Фэнтяня приехали, важные какие!

— На рожу свою посмотри — чистый лис, того и гляди сглазит!

— Сдаётся мне, из весёлого дома этот товар... Только такой дурак, как их господин, мог притащить подобное сокровище в дом и в рот ему заглядывать. Помяните моё слово, сбежит он при первой возможности!

— Сразу видно — порода прислужников. Тьфу! Никчёмная дрянь, которой место на задворках, а не за столом!

Сын старосты распалялся всё сильнее. Он швырял нарубленную зелень в котёл, подсыпал отруби и раздувал огонь. Несмотря на кипевшую внутри ярость, разбрасываться продуктами он не смел: отец за такое спустил бы с него три шкуры. Оставалось только изливать гнев, помешивая варево для свиней.

Он так и не заметил, как тень, замершая у порога кухни, бесшумно скользнула прочь.

Цай Ань вернулся в комнату с потемневшим лицом. А-Мо, едва взглянув на него, понял — дело плохо.

— Что стряслось?

— Наткнулся на нечистоплотную тварь, — холодно усмехнулся Цай Ань.

Он смотрел с ледяным презрением, от которого невольно пробирала дрожь.

— Ты же вроде шёл разузнать, что семья Яо готовит на ужин? — А-Мо зябко передёрнул плечами. — Не хватало ещё, чтобы наш господин остался голодным.

При упоминании о Лун Юе Цай Ань хитро прищурился.

— Я ненадолго отлучусь.

Он обошёл пять или шесть домов в деревне и спустя время вернулся, неся на подносе

ароматную курицу с клейким рисом, бережно завёрнутую в листья лотоса. Расспрашивающим он степенно пояснял: дескать, молодой господин у них весьма разборчив в еде, деревенская стряпня ему не по нутру, вот и пришлось искать деликатесы по всей округе.

Слова его упали в благодатную почву. Старик Яо хоть и был старостой, но в деревне его любили не все, а уж его супруг, вечно сующий нос в чужие дела и отличавшийся редкостной скупостью, и вовсе недолюбливали. Не прошло и получаса, как по деревне поползли слушки: мол, семья старосты совсем забыла о законах гостеприимства и пренебрегает дорогими гостями. Кто-то шептался и того хуже — якобы Яо положили глаз на чужого господина, а когда поняли, что тот уже связан узами брака, начали строить козьи морды. Разумеется, сами Яо об этих пересудах пока не догадывались.

В это время Яо Саньсю, набравшись духу, замер перед дверью комнаты гостей. На подносе у него красовался весьма щедрый по деревенским меркам ужин: миска лоснящейся жиром свинины в красном соусе, обжаренная капуста, картофельная соломка с острым перцем, яйца с луком, битые огурцы и тарелка наваристого супа. Но стоило ему заглянуть внутрь, как остатки благодушия испарились.

В комнате царил идиллия: на столе стояли изящные тарелочки с солёными закусками, маринованные сливы и та самая благоухающая курица в лотосовых листьях. Яи, вооружившись ложкой, терпеливо выбирал косточки из нежного мяса. Смачивая каждый кусочек в соусе, он подносил его к губам Лун Юя.

— Сердце моё, открой рот.

— М-м, неплохо, но немного жирновато, — Лун Юй капризно наморщил носик.

Цай Ань тут же плеснул в соус немного сливового джема и добавил кислую ягоду:

— Молодой господин, попробуйте теперь.

Яи снова поднёс угощение к его губам.

— Вот, теперь в самый раз, — улыбнулся Лун Юй.

— Раз вкусно, ешь побольше, — смягчился Яи.

Он, обычно суровый, тепло улыбнулся.

— В такую жару ты совсем теряешь аппетит, а с твоим желудком голодать нельзя.

— Так я же постоянно пью бульоны. Я бы и рад поесть, да не лезет ничего, — Лун Юй

недовольно надулся. — К тому же, кто захочет есть такую жирнятину? От одного взгляда мутит.

— Виноват, каюсь, — тут же признал свою ошибку Яи, не прекращая кормить супруга.

— Ты тоже ешь, — Лун Юй откусил половину кусочка и подтолкнул руку мужа.

— Ем, видишь? — Яи не задумываясь отправил остаток в рот.

Лун Юй весело качнул головой и принял следующую порцию. К этой привычке Яи — превращать каждый приём пищи в ритуал кормления — он давно привык. Если его мужчине так нравится возиться, то пусть тешится.

Яи, будучи образцовым «рабом своей жены», никогда не принуждал Лун Юя к еде. Однажды он попытался проявить строгость, но в ответ получил целую миску пресного салата и ультиматум: «Съешь ты — съем и я». С тех пор Владыка Преисподней предпочитал благоразумно идти на компромисс.

А-Мо, вышедший подлить чаю, заметил столбом застывшего у порога Яо Саньсю. Спрятав во взгляде насмешку, он подошёл к нему с виноватым видом:

— Брат Яо, прошу прощения. Наш молодой господин слаб здоровьем, и жирная пища ему противопоказана. Зря вы так утруждались.

— Пустяки, — выдавил из себя юноша. Ударить в грязь лицом перед гостем он не мог. — Скажи... ваш господин дома тоже себя так ведёт? — он кивнул на Яи, продолжавшего кормить супруга с ложечки.

— Что вы! — А-Мо горестно вздохнул. — Дома глава вообще не позволяет молодому господину земли касаться. В летний зной во всех покоях расставляют лёд, а уж как господин о нём заботится... Эх, здесь всё совсем не так, как в родном поместье.

От этих слов Яо Саньсю помрачнел ещё сильнее.

— Какой же ваш господин... изнеженный, — со скрытой издёвкой пробормотал он.

— Ошибаетесь, брат Яо, — парировал А-Мо. — Молодой господин наш — истинный благородный сын из семьи военачальников. До свадьбы он и бандитов в горах гонял, и свирепых тигров в лесах добывал. Одна из тех тигриных шкур теперь в главном зале поместья расстелена — чистый снег, а не мех!

— Почему вы зовёте его «молодым господином», а не «госпожой» или «супругом»? — этот

вопрос мучил Яо Саньсю с самого начала.

— Господину так привычнее, — легко ответил А-Мо. — Ему никогда не нравились эти новые титулы, вот глава и разрешил оставить всё как было.

— И главе... не трудно так под него подстраиваться? — Яо Саньсю почти искренне пожалел Яи. Виданое ли дело — так потакать капризам!

— Да в чём же трудность? — А-Мо округлил глаза. — Наш господин — единственный наследник в семье, любимец старого хозяина. А те сыновья, что от наложниц родились... так, пыль под ногами, даже в дом не вхожи. Так что нашему главе ещё очень повезло, что его в такую семью приняли. Это он ещё, можно сказать, высоко взлетел!

Теперь в голове Яо Саньсю сложилась «ясная» картина: Лун Юй — деспотичный выходец из могущественного клана, а бедняга Яи вынужден лебезить перед ним, чтобы сохранить положение. Даже слуги — и те из приданого! Небось, и в постель к хозяину прыгнуть боятся, вот и набрали в свиту парней... Бедный, бедный мужчина!

— А-Мо, ты чай в самой стране Цитянь завариваешь, что ли? — Цай Ань подошёл к ним и забрал чайник. Коснувшись бока сосуда, он недовольно нахмурился: — Остыл до шести долей. Хочешь, чтобы у господина опять живот прихватило?

— Ой, лучше пусть живот, чем глава мне шею намылит! — А-Мо втянул голову в плечи и поспешил на кухню.

Цай Ань повернулся к Яо Саньсю. Его голос звучал вежливо, но холодно:

— Благодарим за заботу, брат Яо, но в этом нет нужды. Можете идти.

Когда Яо Саньсю принёс нетронутый ужин обратно, его отец едва сдержал проклятия. Только строгое вмешательство старосты охладило пыл разгневанного супруга.

— Эти люди не нашего поля ягоды, — резонно заметил старик Яо. — Кто знает, какие у них связи в Байюе. Нам лишние беды ни к чему.

Семье пришлось смириться. Но если Цай Ань и решил не пачкать уши Лун Юя рассказами о кухонных сплетнях, прощать обиду он не собирался. Его верность господину была абсолютной, а за любое посягательство на его честь следовала кара. Он помнил, как когда-то жирный Бань Лань хвастался близостью к Лун Юю, и как он сам тогда отделал наглеца, пока тот не взмолился о пощаде. «Если не можешь защитить хозяина — зачем ты вообще нужен?» — таков был закон Цай Аня.

Однако сам он марать руки о деревенского мальчишку не желал. Это было ниже его достоинства. Вместо этого он выразительно посмотрел на А-Мо, и того прошиб холодный пот.

Спустилась ночь. Лун Юй, устроившись на груди Яи, мирно спал. Яи, словно предчувствуя неладное, заранее накинуд на комнату полог тишины.

Семья старосты тоже отошла ко сну. Яо Саньсю, утомлённый дневными заботами, решил напоследок принять ванну. Он нежился в тёплой воде, вдыхая поднимающийся пар.

В его голове крутились разные мысли. Он мечтал о богатом муже, и Яи казался ему идеальным вариантом, но Лун Юй путал все карты. Стоило ли пытаться заманить господина в свои сети? А если Лун Юй, этот «охотник на тигров», узнает? Последствия могли быть страшными. Юноша тяжело вздохнул: он был всего лишь сельским парнем, и тягаться с заносчивым столичным господином ему было не по силам.

Вода начала остывать. Саньсю потянулся за одеждой, висевшей на стуле. Вдруг ткань шевельнулась. Что-то живое и тяжёлое спутало складки. Он резко дёрнул вещи на себя, и в ту же секунду его сердце ушло в пятки.

На стуле, прямо там, где лежало его бельё, сидела огромная, невероятно жирная серая крыса. Тварь уставилась на него своими бусинками-глазами, шевеля длинными усами.

— А-а-а-а! — истошный вопль разорвал тишину дома.

Яо Саньсю в ужасе швырнул одежду в грызуна. Перепуганная крыса рванулась к двери, запутавшись в тонкой ткани. С невероятной силой она втиснулась в узкую щель под порогом, изорвав нательную рубаху в клочья.

Когда юноша пришёл в себя, он с ужасом осознал, что остался без белья. Кое-как запахнувшись в верхнее платье, он выскочил в коридор и столкнулся с заспанным отцом. Узнав, что причиной переполоха стала обычная крыса, старик Яо лишь разразился руганью за прерванный сон и велел сыну возвращаться в постель.

На рассвете гости откланялись.

Уже в повозке А-Мо выглядел на редкость измотанным. Он сидел, прикрыв глаза, и едва слышно бормотал:

— Эта сирена чуть не лишила меня слуха... Истинная звуковая пытка!

Цай Ань, вопреки обыкновению, удостоил его одобрительного взгляда:

— Хорошая работа.

Лун Юй в это время лениво перелистывал книгу, прислонившись к плечу Яи. На его губах играла едва заметная улыбка. Казалось, он всё знал.

<http://bllate.org/book/17533/1707513>